

15. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – [2-е изд.]. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 144 с.

16. Мальцев Г. И. Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики: (исследование по эстетике устно-поэтического канона) / Г. И. Мальцев ; отв. ред. А. Ф. Накрылова ; АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом) – Л. : Наука, 1989. – 165 с.

17. Чистов К. В. Вариативность и поэтика фольклорного текста / К. В. Чистов // История, культура, этнография и фольклор славянский народов. IX Международный съезд славистов. – М. : Наука, 1983. – С. 143–169.

18. Аникин В. П. Творческая природа традиций и вопрос о своеобразии художественного метода в фольклоре / В. П. Аникин // Проблемы фольклора. – М. : Наука, 1975. – С. 33–40.

УДК 811.161.3'367.622+811.161.2'367.622

Щасная Е.Д.
(Минск, Беларусь)

ДИНАМИКА НОРМ В БЕЛОРУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (на примере существительных)

Дану статтю присвячено проблемі змін в лексичі та граматиці, котрі відбуваються на межі ХХ–ХХІ сторіч в білоруській та українській мовах. Розглядається динаміка норм, в тому числі тенденції заперечення спільних з російською мовою правил. Окремо наголошується вплив української мови на білоруську.

Ключові слова: білоруська, українська, динаміка норми, нова лексика, пуризм.

Данная статья посвящена проблеме изменений в лексике и грамматике, происходящих на рубеже ХХ–ХХІ столетий в белорусском и украинском языках. Рассматривается динамика норм, в том числе и тенденции отрицания общих с русским языком правил. Также отмечается влияние украинского языка на белорусский.

Ключевые слова: белорусский, украинский, динамика норм, новая лексика, пуризм.

This article is devoted to problem of changes in grammar and vocabulary which happens during ХХ–ХХІ centuries in Belarusian and Ukrainian languages. There is analyzing the dynamics of norms, tendencies of negation common with Russian language rules. Besides, the influence of Ukrainian language on Belarusian marks.

Key words: Belarusian, Ukrainian, dynamics of norms, new vocabulary, purism.

В современных белорусском и украинском языках на рубеже ХХ – ХХІ столетий отмечается обновление лексического состава, динамика в грамматике и словообразовании. Данные процессы во многом обусловлены поликультурностью и глобализацией общественной жизни, влиянием СМИ на языковую ситуацию, демократизации литературного языка.

© Щасная Е.Д., 2011

В белорусский и украинский языки проникает множество заимствований, которые обозначают новые понятия, а также описывают актуальные явления, ранее нехарактерные для наших стран. Напр. бел. *баер, рэстаратар, сальса, бурьта, буккросінг, спрэд¹*, укр. *баер, віце-прем'єр, слем, шоу-рум, прет-а-порте*. Активно образуются производные от них: бел. *парламентарый, паркуручык, скейт-гарадок, арт-рынак, медыя-прастора*, укр. *арт-рынок, медіа простор, креативність, розтіарювання, спікуратор*.

Часть новых лексем в белорусском и украинском языке – это экспрессивная и специальная лексика, пришедшая из русского. Напр.: бел. *калбасёр* ‘любитель дискотек и музыки в стиле диско и техно’, *кент* ‘парень’, *гіг* ‘гигабайт’, *дэбютнік* ‘дебютный музыкальный альбом’, *велік* ‘велосипед’, *дзялок* ‘мошенник, участник преступной группировки’; укр.: *джинса* ‘скрытая реклама в прессе’, *фшика* ‘что-то особенное, новое, интересное’, *альтернативицик* ‘представитель или поклонник альтернативной музыки’, *чувак* ‘парень’, *інет* ‘интернет’. Выше описанное связано с демократизацией языка СМИ, с развитием непосредственного интернет-общения.

В то же время в белорусском и украинском языках наблюдается тенденция отрицания общих с русским языком лексем и интернационализмов, что является проявлением пуризма. Происходит замена иноязычных лексем и словоформ собственными: бел. *нататнік* вместо *запісная кніжка*; *сумоўе* ← *суб'єседванне*, *заяўнік* ← *заявіцель*, *адмыловец* ← *спецыяліст*, *візітоўка* ← *візітная картка*, *візітка*, *лэсанне* ← *жараб* ‘ёжа’, *ходнік* ← *тратуар*; в украинском языке *мистец* употребляется наравне с *художник*, *агенція* вместо *агентство*, *автівка* ← *авто*, *репортажист* ← *репортер*, *кнігозбірня* ← *бібліотека*, *фахівець* ← *спеціаліст*. Иногда в белорусском языке используется лексика близкого украинского языка: бел. *вітальня* ← укр. *вітальня* вместо бел. *гасцінная*; бел. *ліставанне* ← укр. *листування* вместо бел. *перапіска*, бел. *мажлівасць* ← укр. *можливість* вместо бел. *магчымасць*. Следует сказать, что часть новых лексем употреблялась в 1920-е гг. (Беларуска-расійскі слоўнік” М. Байкова и С. Некрашевича, 1926) и имеет общую белорусско-украинско-польскую базу: бел. *намёт*, укр. *намет*, польск. *patiót*, бел. *улюбёнец*, укр. *улюбленець*, польск. *ulubieniec*, бел. *вынятак* укр. *виняток*, польск. *wyjątek*. Во многом пуристические тенденции обусловлены интересом к историческому периоду активного развития национальных языков в Беларуси и Украине при СССР.

На словообразовательном уровне в белорусском языке, как и в украинском идет более свободное употребление суффикса *-к-* в лексемах, обозначающих женщину по профессии (вместо общих с русскими *-ш-*, *-иц-*), а также в лексемах, традиционно употребляющихся только в мужском роде: *касёрка*, *прадавачка*, *выхвацацелька*, *дырэктарка*, *доктарка*, *паляводка*. Сравн. подобные явления в украинском языке: *вчителька*, *лікарка*, *організатарка*, *дизайнерка*, *мисткиня* (вместо *художниця*), *продавчиня*. В белорусском языке актуализируется употребление лексем с отглагольным и собирательным значением с компонентом *-во*, как в украинском: бел. *печыва*, *чытво*, *сеціва* ‘интернет’, *марозіва*, вместо *пячэньне*, *чытанне*, *сетка*, *марожанае*, сравн.: укр. *печиво*, *читво*, *мерезживо* ‘ин-

¹ Лексические и грамматические примеры взяты: бел. – из газет «Звязда», «Раніца», «Культура», журнала «Бярозка», сайта tvr.by и др., укр. – из газет “Урядовий кур’єр”, “Біла Хата”, “Культура і життя”, интернет-версии газет “Хрещатик”, “Молодь України”, рус. – из журнала Cosmopolitan, газеты «Комсомольская правда в Белоруссии» и др. периода 2007–2011 гг.

тернет’, ‘сеть магазинов’, *морозиво*. Увеличивается и количество существительных с усеченной основой: бел. *каментар, выступ, наступ*, вместо *каментарый, выступленне, наступленне* сравн.: укр. *коментар, виступ, наступ*.

Среди схожих грамматических изменений можно выделить следующие.

Изменение употребления существительных с предлогом *на* (*по*) при существительных мужского и среднего рода для выражения пространственных, временных, объектных и др. отношений.

Ранее в таких конструкциях в белорусском языке был Д. и окончание *-у* (*-ю*), как и в русском языке: *Сярэдні заробак на камбінату каля 600 тыс. рублёў, што для Бабруйска не так і мала...* (zviazda.by. 25 09. 2007), а также *чэмпіён свету на тайландскаму боксу, на кантракту, на максімуму, на ўзроўню, на плане, за кошт працы на сумащальніцтву, у алімпіядзе на працоўнаму навучанню*. Сравни с рус.: *Капитаном белорусской сборной по хоккею стал Алексей Калужный* (www.kp.ru.daily. 21.04.2011), *проводят нас по залу к месту, судить по одному факту, ученик музыкального училища по классу аккордеона, всем жителям по дому, каждому – по другу, нужно бить по мячу, а не по футболисту, по прибытию в столицу, пройдут слушания по заявлению Марины Яблоковой*. Сейчас в данных конструкциях употребляется П. п., как в украинском языке. *Згрупуваліся яны на прыныцпе падабенства выбару* (Бярозка, № 2. 2010. С. 62), а также *памятка на доглядзе сабак, тур на музеі, на гэтым кірунку, факультатыў на выбары, Савет на развіцці прадпрыемства, на ўласным жаданні*.

Однако здесь есть свои особенности. При переходе из Д. в П. в сочетаниях с *на* в белорусском языке возникает вместо одной флексии *-у* (*-ю*) сразу четыре: *-е* (при твёрдой основе), *-ы* (при основе на *р, ц, ш, ж*), *-і* – при основе на мягкий согласный, *-у* (на *к и г, х*, которые не пререходят в *з, с*): *абмежаванняў на ўзросце, ударыў на коле, пусцілі на ветры, на месцы, на поўдні да 31 градуса, на грамадзянскім выхаванні, на вялікім рахунку, гуляла на даху*. В существительных, обозначающих человека, при основе на твёрдый согласный возникает флексия *-е*, в других случаях используется *-у/-ю*: *залічана на адным студэнце, меў вялікую спадчыну на браце і бацьку, гараваў на сябру, даводзіцца на мужу раднёй*.

В современном украинском языке в конструкциях с *по* употребляется предложный падеж, где окончание *-у* (*-ю*) является нормативным (хотя иногда допустимы варианты окончания *-ові, -і*) [1: 128 – 129]: *Раніше в Україні проходили великі міжнародні турніри по настільному хокею* (kreschatic.kiev.ua, 09.10.2007), а также *йти по етапу, пропали всі хвилини по «тижню», спосіб життя по бренду, спілкування з колегами по цеху, холод по серцю, вистрелив по кулеметнику*, однако в практике СМИ встречаются *в суботу по обіді, знаків по всьому светові, одразу по закінченні школи*. Стоит отметить, что в последнее время формы с *по* в украинском языке в объектных значениях заменяются конструкциями с предлогами *за* (*з*) в В. и Т.: *З початку минулого сторіччя працює тут і музична студія, яка за статусом прирівнюється до музичної школи* (kreschatic.kiev.ua, 28.10.2009), а также *турнір з тектоніку, здобув кваліфікацію магістра з управління міжнародним бізнесом, за великим рохунком, події в розвиватимуться за «російським сценарієм»*. В. Василенко отмечает параллельное нормативное употребление конструкций с объектным ‘логичным’ значением *з, за* и *по* [2: 437 – 438].

Интерес представляет и употребление новых слов мужского с основой на к, г, х в П. п. в украинском и белорусском языках. В украинском в данных существительных происходит смягчение гласного основы: у *минулому році, стоїмо на порозі, у горісі, на протязі шести років, в повному обсязі* (но при ударении на флексии – *при шляху, у полку, на торжку*). Смягчение заднеязычных характерно и для некоторых лексем белорусского языка (кроме существительных на к): *знаходзяцца на берэзе гэтага шыкоўнага возера, ісці на снезе, на крузе, у гаросе*. Однако в заимствованных словах, преимущественно английского и немецкого происхождения с соответствующей основой смягчение не происходило (*на мітыngu, у рэйхстагу, цэxu, аб пін-понгу*). Данное правило соблюдается и в новых словах: *на маладзёжным слэнгу, семінар на брэндзінгу, царква ў сайдыngu, намеснік генеральнага дырэктара на маркетынгу, выкарыстоўваецца пры пілінгу*. В тоже время авторы “Короткай граматыкі беларускай мовы” (2007) отмечают, что в части данных существительных может смягчаться основа и употребляется окончание -е: *аб допінзе, дыялозе, клірынзе, на мітынзе* [3: С. 137 – 138]. Иногда это встречается в белорусских текст ах: *Магчыма, праз любоў да беларускай літаратуры ты прыйшоў да беларускамоўных тэкстаў, нездарма ў сваім блозе часам цытуеш Алеся Разанава?* (Чырвоная змена, № 18. 2010, С.2), *няма ў каталозе, у мікраблосе праекта, у першым рэйтынзе, на чарговым мітынзе*. В украинском языке в новых словах параллельно происходит как сохранение основы на заднеязычные согласные, так и ее смягчение: *Збірна України у світовому рейтинзі займає на даний момент дев'яту позицію* (kreschatic.kiev.ua, 09.10.2007), а также *взяли участь у тренінзі, виклав на своєму блозі* и *Найбільше дзвінків пролунало з Шевченківського району, за ним у проблемному рейтингу — Печерський та Голосіївський*. (kreschatic.kiev.ua, 02.03.2011), а также *у картингу безліч класів, на офіційному блогу, при краху фінансових інститутів, у смокінгу*.

Также в белорусском языке наметилась тенденция употребления конструкций с предлогом *пра* в В. при глаголах типа *ведаць, казаць, марыць* и др., в конструкциях со значением определения вместо сочетаний с предлогом *аб* в П.: *Я займаюся афармленнем кнігі пра легендарнага мастака Казіміра Малевіча, які намалюваў “Чорны квадрат”* (Звезда, № 241. 2010. С.4), *інакш пра спартсмена і не скажаш, спрэчкі пра менеджара, размова пойдзе пра вучня гімназіі № 56*. Сравн.: *На жаль, але адукаванасць і культура педагогаў у асобных установах адукацыі не заўсёды адпавядаюць уяўленню аб настаўніку* (Звезда, №163. 2010. С.4), *аб брытанскім фотарэпартажэры, слова аб сябры, і памяць аб футбалісце і трэнеры*. Нужно сказать, что данные формы являются в белорусском языке равнозначно нормативными. В русском нормативно *об (о), про* – разговорная форма [4: С.89]: *В Китае девушка, мечтавшая о бойфренде, разом заполучила тысячи женихов* (kp.by/online. 12.03.2010), *о главном тренере «Зенита», не говоря уже об администраторе клуба, в память о друге*, но Мужчины очень любят срашилку *про друга Васю, который попал под каблук...* (Cosmopolitan, № 11, 2010. С.90). В украинском употребляются конструкции с *про*: *Дані про кожного учасника є лише в організаторів, і вони розпоряджаються ними за суворими правилами* (18.02.2011), *книга про героя, пишучи про художника, реальна історія про хлопця і дівчину*. Это свидетельствует о сближении норм белорусского языка с украинскими. Еще одна причина – избегание в белорусском языке проблемного П. п., где употребление флексий у личных существитель-

ных (напр. *аб аграноме* и *аграному*, *дырэктары* и *дырэктару*, *кавалі* и *кавалю*) является дискуссионным.

С ориентацией на украинский язык можно связать и употребление в белорусском полных флексий *-аю* (*-яю*), *-ою* (*-ёю*) в существительных женского рода Т. п. ед. ч., которые в белорусском языке считается вариантным к *-ой* (*-ёй*) и употребляются нерегулярно (чаще в художественных и публицистических текстах с целью поэтизации языка и создания особенного ритма): *Першае вяселле пад вадою прайшло ў Беларусі* (new.racyja.com, 3.03.2011), а также *я падзяліўся з маёю жонкаю, за шыбаю, быў навіною*. Сравн. укр.: *Для молодых це певною мірою так* (Біла хата, № 16. 2010. С. 6), *свініна, тушкована з капустою і картоплею, з назвою Красна гора, користуючысь нагодю*. Причины возникновения данных флексий – древние. По мнению С. Обнорского («Именное склонение, в современном русском языке», 1927), А. Шахматова («Очерк современного русского литературного языка», 1941), *-ой* (*-ёй*) развилось еще в древнерусском языке фонетическим путём – через усечение конечного *у* (*оју* → *ој*) по причине уподобления односложным окончаниям других падежей именной формы. В современных белорусском языке оба типа окончаний равнозначны.

Неопределенность в грамматике белорусского и украинского языков наблюдается в употреблении существительных м. р. в Р. п. ед. ч., где есть параллелизм окончаний *-у* (*-ю*) и *-а* (*-я*). Это в первую очередь касается существительных, которые недавно вошли в лексикон. В белорусском языке обычно с *-а* (*-я*) употребляются названия одушевленных существ и исчисляемых предметов (*фрылансера, шпіца, смартфона, лайма, джута*), а также названия коллективов, видов танцев и спорта (*актыва, крыжачка, пін-понга*). С *-у* (*-ю*) – все абстрактные, сборные и процессуальные существительные: *дыскамфарту, іміджу, стрэсу, рэйтынгу, сэрэісу, фармату, кансерванту, спандэксу, пап-корну, мастэрынгу, суверэнітэту*. В украинском с *-а* (*-я*) – названия живых существ, деревьев, предметов, мер и веса, названий месяцев (*спікера, фахівця, дуба, пам'ятника, співдесятка, І серпня*). С окончанием *-у* (*-ю*) – вещественные, абстрактные, сборные существительные, названия явлений природы и географических мест, а также учреждений (*цукру, медиа-арту, гниву, ансамблю, морозу, Криму, институту*) [5: 216]. На современном этапе значительно увеличилось употребление флексии *-у* (*-ю*) в ряде лексико-семантических групп неодушевленных существительных, особенно процессуального и абстрактного значения: бел. *дэфолту, вэб-кантэнтну, роўмінгу, татуажу, суверэнітэту*, укр.: *роумінгу, бізнесу, менталітэту, дайвінгу, лікувального масажу*.

Однако в некоторых лексико-грамматических группах наблюдается параллелизм употребления окончаний *-а* (*-я*) и *-у* (*-ю*), разное оформление слов одной группы. Это касается названия танцев, стилей музыки, видов спорта и игр. В белорусском языке, где нормативна флексия *-а* (*-я*) – *танцораў брэйка, хваля тэктоніка, новая зорка фрыстайла, клуб кікбоксінга* – увеличилось употребление окончаний *-у* (*-ю*): *лірыка ў рытме рэпу, прадстаўнікі фолк-мадэрну, уплыў неа-панку, школа ролінгу, для аматараў баскетболу*. В украинском языке, наоборот, нормой является *-у* (*-ю*), но здесь наблюдается внедрение окончания *-а* (*-я*): *Саме вони віднайшли новий стиль «тектонік», котрий містить у собі елементи електро, хіп-хопу, локінга, попінга і техно* (kreschatic.kiev.ua, 20.05.2009), *всі стилі – від репу й хіп-хопу до джазу, шанувальник футболу, но вечір професіонального боксу*. Это связано с нечетким соблюдением норм, неполной закреп-

пленностью употребления той или иной лексемы в речи, возможно, с влиянием русского и польского языков.

В белорусском языке также есть неоднородность в закреплении флексий за названиями которых названия коллективов, групп людей и учреждений: *Працэдурны камітэт парламента Грузіі плануе правесці рэвізію і паседжанне дзіцячага парламента*, а также *рускага поп-гурта “Динамит”* и *ад гурту Ramstein, прадпрыемствы канцэрна «Белдзяржхарчпрам»* и *беларускага дзяржаўнага канцэрну «Белнафтахім», бойз-бэнда, кааператыва, фан-клуба, клана, но крыміналітэту, бамонду, рок-калектыву*. В украинском языке употребляется окончание -у (-ю). *А ще кільканадцять років потому відбулось особисте знайомство двох знакових персон українського культурного бомонду – Леся Подерв'янського та Олега Скрипки (globalinfo.com.ua, 29.01.2011), а также аваціями залу, у виконанні ансамблю, бюджетного комітету, з гурту «Тартак».*

Однако в белорусском более выразительно употребление названий продуктов творческой деятельности, представляющими видео-, аудио, фото- информацию и подающихся исчислению: *кліпа, скетчкама, рэліза, бігборда, трэка, часопіса, сайта спевака* (окончание -а (-я)). В украинском языке при доминировании окончания -у (-ю) можно встретить и -а (-я): *промо-ролика, тижневика, часопису, нового кліпу, тр3-релізу, синглу, технічної підтримки сайта, мультфільму.*

Таким образом, в современных белорусском и украинском языках происходят схожие лексико-грамматические процессы, обновление лексического состава и изменение грамматической парадигмы, что происходит под влиянием иностранных языков, а также внутренней динамики, демократизации языка.

ЛІТЕРАТУРА

1. Сучасна українська мова/ О. М. Григор'єва [та інш.]. – Київ: Либідь, 2001. – 398 с.
2. Василенко В. Українська мова. Поглиблений практичний курс/ В. Василенко. – Poznań: Wydawnictwo naukowe universitetu im. Adama Mickevicza w Poznaniu, 2001. — 598 с. – (Т. II).
3. Сопоставительный анализ восточнославянских языков: учеб. пособие для вузов/ под ред. А. А. Лукашанца, А. М. Мезенко. – Минск: УП «ИВЦ Минфина», 2005. – 228 с.
4. Станкевич Н. Морфологія сучасної української мови. Збірник вправ/ Н. Станкевич. – Wrocław: Wydawnictwo universitetu Wrocławskiego, 1997. – 112 с.
5. Кароткая граматыка беларускай мовы [у 2 ч.] / навук. рэд. А. А. Лукашанец. – Мінск: Беларуская навука, 2007. – 315 с. – (Ч. 1. Аналогія. Марфаналогія. Марфалогія).